

* * *

Войди в сентябрь.
Удостоверься,
что осень сызнава жива...
Ах, как безбожно куролесит
веселым золотом листва!
И вся земля — как на качелях.
И вся — заверчена волчком.
До сизых сумерек вечерних
прощально буйствуют кругом
ее цветные листопады,
цветные ветры и дожди...
И — мимолетно,
где-то рядом,
рукой дотронешься почти
до колдовского полусвета
или волшебной полумглы,
мелькнет — и нету —
бабье лето,
и эхо дальнего — «*курлы-ы*» —
звучит знамением небесным,
что красота всегда права,
и сами просятся за песней
еще не спетые слова.

* * *

Стоит береза, щурится светло,
доверчиво протягивает ветки,
но врос в нее осколок тяжело,
отметиной оставшийся навеки.

И в горький час будить не перестал,
покуда цел хоть маленькой частицей,
он снова резонирует,
металл, —
сама собой земля не разрядится.

Пусть эти версты где-то позади
и светит людям небо голубое,
но даже поле с рожью перейти —
окажется, что шел по полю боя.

* * *

Позови меня, Память,
в ковыльные степи,
к силуэтам застав на границах Руси...
Не оттуда ли
зоркий по-прежнему стрепет
набирает свои над Придоньем круги?
Не оттуда ли,
прямо из летнего полдня,
под стремительной тенью крутого крыла
Куликово
во мне откликается поле
и татарская
целит под сердце стрела?
Я не первый, конечно,
и вряд ли последний...
Но, предчувствуя новый свой день впереди,
вновь молю тебя —
словно б сестру милосердья:
«Слышишь, Память?
Беду от меня отведи.
Еще рано мне — в землю.
Пахать ее нужно.
Созидать города.
Снаряжать корабли.
И однажды поверить в себя простодушно,
и — звездой
осенить
притяжение земли».

НА ЗАДОНСКОМ ШОССЕ

Гуще — запах полыни, и робко проклюнулась мята.
На Задонском шоссе даже травы цветут виновато.
Даже птицы спешат облететь неуютное место,
где гнетет тишина
и где в горле дыханию тесно.

Нет покоя душе,
и не жди тут душевной отрады.
На Задонском шоссе умирали когда-то солдаты.
Припадали к земле побуревшей небритой щекою.
Только мертвым бойцам разрешалось
уйти с поля боя.

А куда им идти?
Кто — в металле,
кто — в камне,
кто — в песне —
тут они, на Задонском,
прописаны с памятью вместе.
И опять достаем довоенного года альбомы —
до чего ж молодых
присылали сюда военкомы!

И того старшину я совсем не признаю,
наверно,
что приходит сюда, проводя поименно поверку.
Только ветер качнется кому-то навстречу,
и листва отзовется почти человеческой речью
на Задонском шоссе.

* * *

И не гадал, что какой-то след
может в душе остаться...
Было мне семь с половиной лет
в пору эвакуации.
Помню еще деревенский дом,
свечи под образами...
Сельские бабы меня тайком
бедным сироткой звали.
Не потому, понятно, что мне
долю оговорили —
и у самих мужья на войне:
господи, вдруг убили!
Но от себя отводя беду,
беженцев привечали.
Так-то казались не на виду
собственные печали.
И — неприкаянная —
на дне
сердца
еще осталась,
напоминает мне о войне
давняя бабья жалость.

Походя и зверя бьем, и птицу.
Обрываем походя цветы...
Доброта людей не сторонится.
Люди сторонятся доброты.

Не желая звездам удивиться,
залезаем в норы, как кроты...
Красота людей не сторонится.
Люди сторонятся красоты.

И того, увы, не разумеем,
что без сострадания, без любви
ничего мы с вами не сумеем,
если не умеем быть людьми.

* * *

Эту память в себе потаенно
вынес я из военных разрух,
как проходит печаль по вагонам,
облеченная в песню старух.

Безголосые, что вы хотите?
Что вы ждете в табачном дыму?
Ведь сочувствие вашей обиде
не ответ на вопрос: почему?

Вы пришли в наш вагон за ответом,
а откуда он, этот ответ?
Только сыплются глухо монеты,
да вздыхают вам глухо вослед.

Мы своих матерей не бросали,
мы их помним в любой из разлук...
Но опять — в безысходной печали
нам встречается песня старух.

И среди тех певиц безголосых
мы молчим — как один человек...
Совесьть —
это ведь очень не просто,
зачастую терзает не тех.

ЦЕРКОВЬ В ОКНЕ

Не то чтоб искал я предвзято
по частным владеньям жильё,
однако кусалась квартплата,
узнав про бесправье мое.

Напрасно я спорить пытался
и грудью на частника шел...
Бездомный, я им и остался.
Бесправный, тех прав не обрел.

Вот так и спускался все ниже,
другим оставляя верхи,
покуда однажды не вышел
на церковь у самой реки.
Наверно, блистала когда-то,
надежно блюла свою власть...
А нынче — какое там золото? —
коза возле церкви паслась.

Но бабушка, глянувши в двери
за живностью шустрой своей,
отнюдь не питала неверья
к останкам церковных камней.
— И-и, милай, —
с упреком сказала,
меня осуждая в душе, —
какой бы убогой ни стала,
но разве не церковь уже!

Высокая та справедливость
была во спасенье мое,
чтоб, жизнь принимая как милость,
хулой не унижить ее,
чтоб вера в людей не померкла,
кого-то однажды вина,
чтоб комнатка где-то у церкви
нашлась и впустила меня.

Пускай кой-кому не завиден
мой быт.
Не об этом печаль.
Но где бы еще —
назовите —
я первым рассветы встречал!
А нынче с избытком хватает
сирени и в ней соловья...
И бабушка в гости бывает,
поскольку соседка моя.
Приходит соседка к соседу.
Забора, чтоб скрытничать, нет.
Течет неторопко беседа,
с вопросом роднится ответ.
Мы даже, бывает, гордимся,
что жизнь прибывает в цене.
И оба украдкой косимся
на старую церковь —

в окне.

Поэзия — счастливое призвание,
 когда поймешь,
 улав от чепухи:
 чем глубже потаенные страдания,
 тем выше обретенные стихи.
 И через тридцать лет, и через триста
 привычек ей своих не занимать:
 поэзия
 счастливых сторонится,
 она привыкла раны врачевать.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Валентине

И деревья прибавили в росте,
 и весенняя птаха запела,
 но тропа вдоль Березовой рощи
 без тебя и меня опустела.

Опустела она, одичала,
 затаилась в траве воровато,
 словно б нас никогда не встречала,
 не стелилась послушно когда-то.

Всякий раз из окна электрички,
 вновь живя ожиданием чуда,
 я ищу тебя тут по привычке,
 не сдаюсь в одночасье покуда.

Ну хотя б на секунду-другую
 пусть надежда к надежде рванется,
 и легчайшим из всех поцелуев
 пусть щеки твоей воздух коснется!

Только ждать электричка не хочет.
 Ей чужды откровения наши...
 И тропа вдоль Березовой рощи
 убегает все дальше, все дальше.